ПОЛКОВНИК ЕЛИСЕЕВ

ЛАБИНЦЫ

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ

1920 г.

Группа Георгиевских кавалеров Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-гвардейцев на льготе Конвоя Российских Императоров — Александра 2-го, Александра 3-го и Императора Николая 2-го — одной из станиц Кубанскаго Войска. Снимок 1914 года.

БРОШЮРА №3

Нью-Йорк. 1962 г.

Л А Б И Н Ц Ы
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.1920-й год.

/ брошюра № 3-й /

О Г Л А В Л Е Н И Е :

1.- Командиры 1-го и 2-го Кубанских полков,

2.- Конная атака Лабинцев под станицей Дмитриевской,

3.- Отзыв участника,

4.- Полковник В.З.Х о р а н о в,

5.- Казачка В і в ч а р е н к о,

6.- Наша сестренка- Н а д ю ш а,

7.- Тост полковника А.П.Б у л а в и н о в а,

8.- Новый бой в станице И л ь и н с к о й,

9.- Н о в а я н е у д а ч а,

10.-Об одной казачьей душе,

11.-День 25-го февраля. О т х о д . . .

12.-Бой у хутора Л о с е в а,

13.-В хуторе Романовском.Полковник П.Г.Миргородский.

14.-Кроки боя 2-го Кубанскаго коннаго корпуса генерала Науменко 21 февраля 1920года под станицей Дмитриевской,

15.Расположение станицы Ильинской.

2а.-Начальник штаба дивизии,генерал Арпсгофен.

Цена брошюры 1 доллар.Выписывать по адресу:

Theodore Elyseev, 502 W. 177 St.,Apt.1 C
New York 33, N.Y.

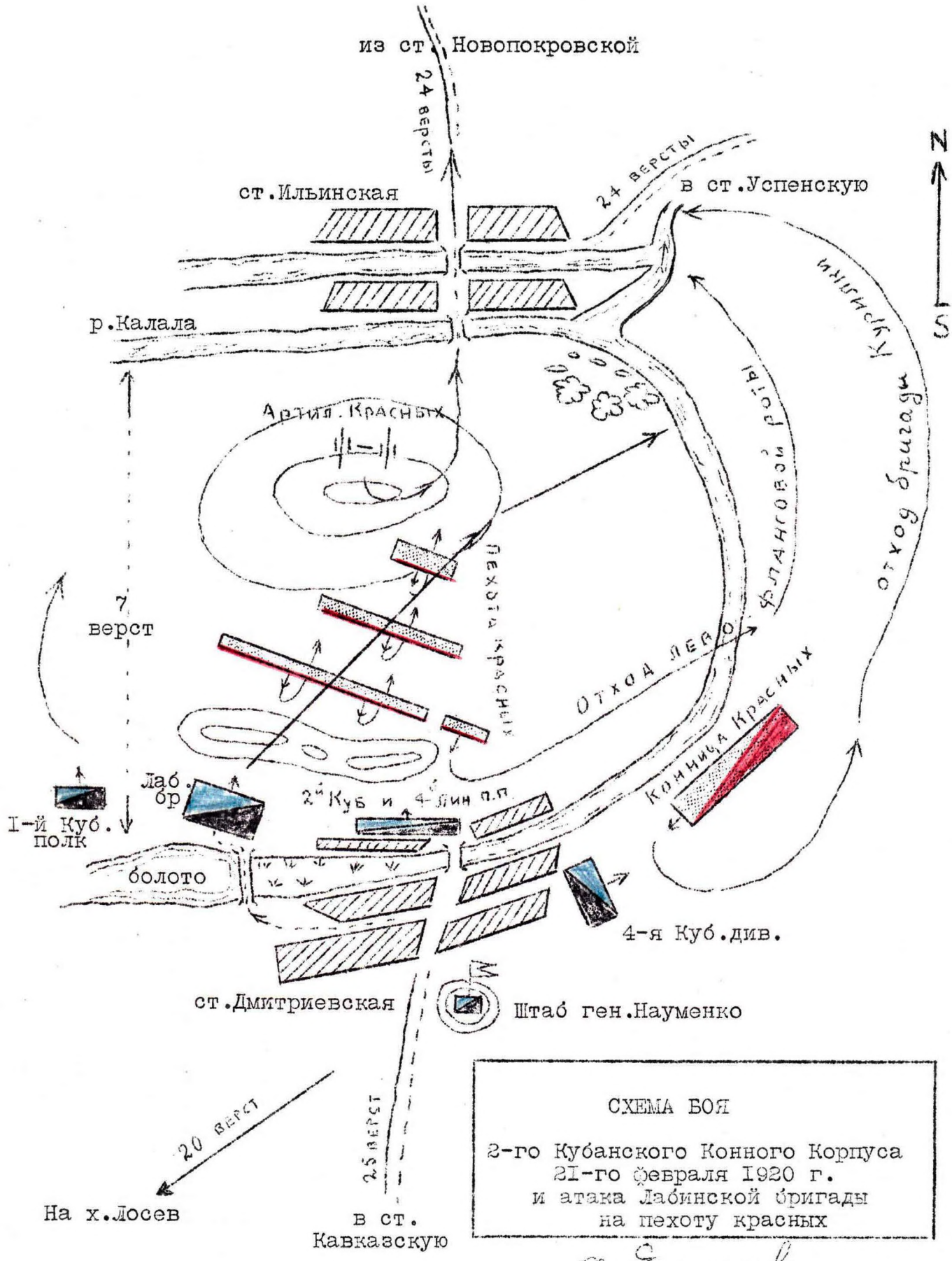

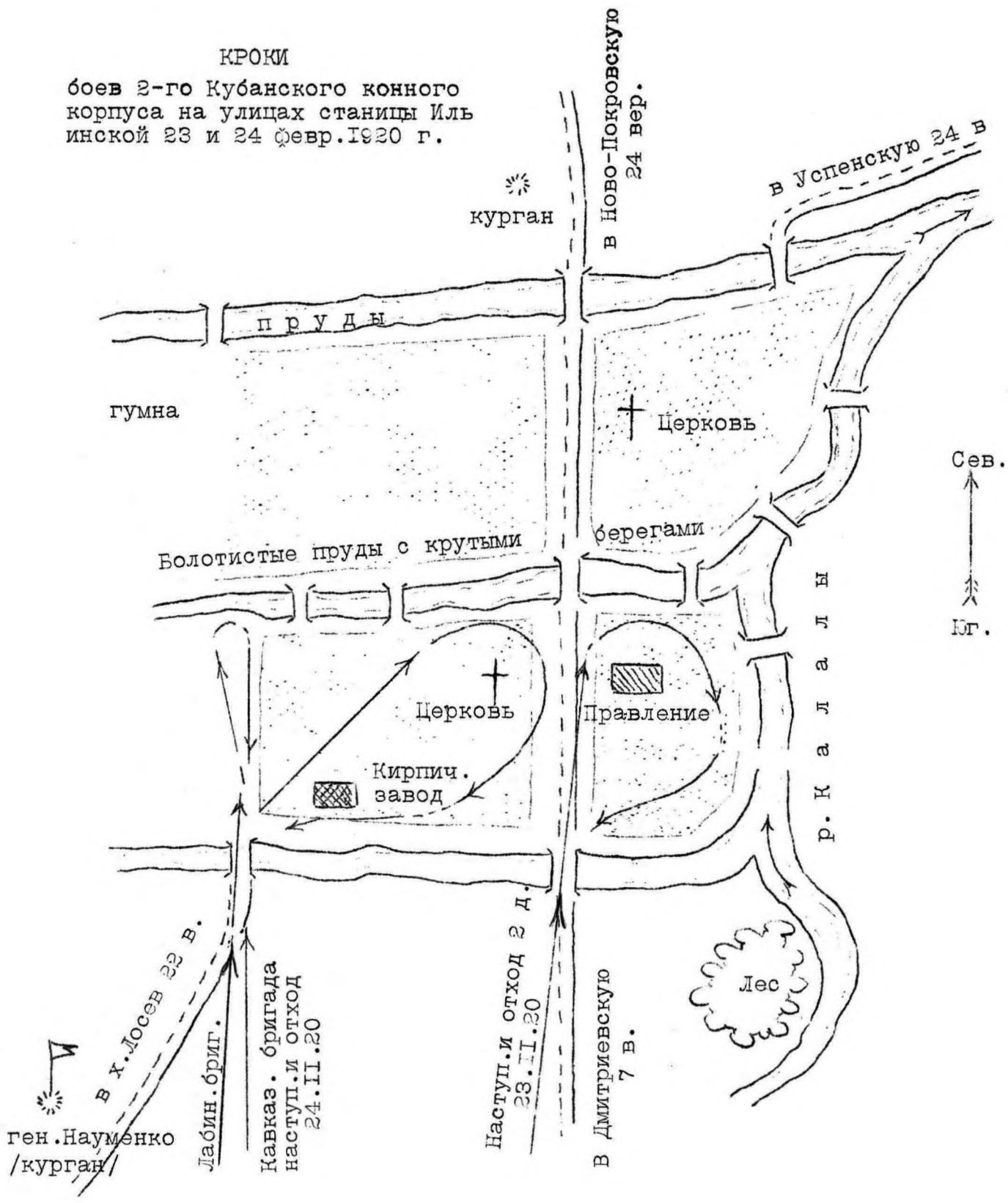
СХЕМА БОЯ

2-го Кубанского Конного Корпуса
21-го февраля 1920 г.
и атака Лабинской бригады
на пехоту красных

Ф. Елисеев

КРОКИ

боев 2-го Кубанского конного корпуса на улицах станицы Ильинской 23 и 24 февр.1920 г.

Расположение ст.Ильинской с многочисленными прудами болотистой речки Калалы и мостами через них.Составлено казаками станицы Г.А.Солодухиным и Д.В.Матвиенко в моем присутствии.

Ф.Елисеев.

КОМАНДИРЫ 1-го и 2-го КУБАНСКИХ ПОЛКОВ.

Оба они были "временные".Первым командовал войсковой старшина Степан Фомич Сердюк,казак станицы Динской Екатеринодарскаго Отдела,а Вторым - войсковой старшина Назарий Савченко/не помню какой он был станицы/.Сердюк окончил Екатеринодарское реальное училище,а Савченко был юрист по образованию.Оба поступили в Оренбургское казачье военное училище в 1911-м году и окончили курс образования вместе со мною в 1913-м.

По своим натурам - они были люди глубоко штатские,но военная муштра переменила их характеры.Оба были способные,учились отлично,но военный строй и военная выправка у них были посредственные.Маленький ростом кругленький,с черными усиками,Сердюк в строю был на левом фланге 4-го взвода,а "великовозрастный лешами,усатый Савченко - на правом фланге 2-го взвода.Несмотря на эту разность - они очень дружили между собою, как дружили и двумя сверстниками,Екатеринодарскими реалистами,Алешей Булавиновым и Сережей Боровик.По этой дружбе - Савченко,Сердюк и Булавинов,по окончанию училище - вышли в 1-й Кубанский полк,стоявший в селении Каракурт,восточнее Сарыкамыша,Карской области.Боровик,окончивший училище портупей-юнкеров - вышел в 1-й Хоперский полк,потом перевелся в 1-й Екатеринодарский,но войну провел в 3-м Екатеринодарском полку.

По мобилизации 1914-го года - все трое - Савченко,Сердюк и Булавинов были откомандированы в Войско,назначены там в третье-очередной Кубанский полк,который был отправлен в Персию,где и провели всю войну,закончив ее в должностях командиров сотен и в чинах под,есаулов.

По отзывам сослуживцев - все они оказались отличными офицерами.

— • —

Был февраль месяц 1918 года.В Войске,официально,еще существовала Казачья власть,но узловыя станции Армавир,Кавказская и Тихорецкая - были захвачены 39-й пехотной дивизией,прибывшей с Кавказскаго фронда и в этих пунктах власть перешла к военно-революционным трибуналам,которые терроризировали население,разоружали Кубанския части,возвращавшиеся с Турецкаго фронта,арестовывали их офицеров,судили и очень многих разстреляли.

Вообще,эти военно-революционные трибуналы вылавливали всех проезжавших офицеров,но не многих отпускали...О них я уже писал.

И вот - в снежную вьюгу,в полночь,кто-то решительно,требовательно,постучал в наши ворота. И наша Кавказская Отдельская станица,где мучительно функционировало Управление Отдела с Атаманом полковником Репниковым,фактически,находилась под страхом этого революционнаго трибунала в хуторе Романовском,который "отрезал" нас от всякаго сообщения с Екатеринодаром.

На стук вышел отец.Перед ним стояли два типичных тогдашних красноармейца в солдатских шинелях,в "репаных" шапках,запоршеных снегом.

"Здесь-ли живет Ф.И.Елисеев?",спросил маленький из них.

"А Вы-то кто?"- задал встречный вопрос отец непрошенным гостям,да еще в полночь.

"Не бойтесь,папаша...мы его друзья... разбудите Федю,пусть он выйдет, тогда узнает нас",отвечает все тот-же "красногвардеец" маленькаго роста.

Отец разбудил меня,я вышел на парадное крыльцо и в этих небритых людях - узнал Савченко и Сердюка.Нераспрашивая - немедленно-же впустил в дом,разбудил всю семью.И странно было видеть в нашем доме моих друзей-сверстников "в столь странном" и неприятном одеянии...Но,семья увидела, что это есть настоящие наши Кубанские офицеры,"друзья их Феди" и сердца их открылись немедленно-же в ту казачью ласковость и откровенность,

которое свойственно нашему племени.

Помылись,почистились и сели за стол.И разсказали они,что из станицы Ново-Александровской Кубанскаго полкового округа Лабинскаго Отдела,где окончили существование их сотни - нарядившись красногвардейцами - ехали в поезде в Екатеринодар.На пересадочной станции Кавказская - их арестовали,признав в них переодетых офицеров.Солдат сопровождал их в тюрьму,но находчивость,остроумие,юмор и Черноморская речь Сердюка "внушили" конвоиру,что они не офицеры,а демобилизованные солдаты... и он,поверив - отпустил их "на совесть".

Куда бежать после этого?думали они.И вспомнили,что я казак станицы Кавказской; и за семь верст назад - пришли ко мне.

Переждав сутки - отец уговорил знакомаго "кучера" Прошку,рыжебородаго стараго солдата,отвезти их кружным путем к станице Казанской.Лихой извозчик,влюбленный в свою профессию,согласился.Он уж не раз спасал так офицеров.И они уехали,спаслись. И вот теперь,ровно через два года,приняв 2-ю Кубанскую дивизию - встретил их в штаб-офицерских чинах и временьми командирами полков.Это было очень приятно.Приятно было еще тем,что в эти роковые дни Кубани,мои сверстники находились в строю и на ответственных должностях.

Они потом эвакуировались за-границу.Савченко умер давно в Югославии, а Сердюк,в 30-х годах,прислал открытку мне в Париж,в наше Об,единение воспитателей и юнкеров Оренбургскаго училища,что он инженером в Чехословакии.Больше от него вестей не было.

Для освещения жути тех годов гражданской войны - должен сказать и о судьбе лихого извозчива,35-ти летняго рыжебородаго стараго солдата Прошки,как его знали в станице,который своим промыслом,рискуя,спас некоторых офицеров.

Когда станицу Кавказскую занял Дроздовский пехотный полк в июле 1918 года - было арестовано 17 человек иногородних и вахмистр Григорий Писаренко.Всех их препроводили в х.Романовский,но по дороге,у яра - все они были разстреляны "в спины" и брошены в тот яр,что перед "скотским базаром".В том числе был уничтожен и лихой извозчик,старый рыжебородый солдат Прошка,оставив жену с грудным ребенком,спасавший офицеров....

Такова ирония судьбы,гражданской войны,как и ненужной мести.

КОННАЯ АТАКА ЛАБИНЦЕВ ПОД СТАНИЦЕЙ ДМИТРИЕВСКОЙ.

В приказе по 2-му Кубанскому конному корпусу 20 февраля 1920 года, была указана диспозиция на случай тревоге.По ней,2-я Кубанская казачья дивизия переходит греблю у западной окраины Дмитриевской станицы и сосредоточивается к северу от нея. От дивизии выставляется сторожевое охранение,а с утра - конная разведка в сторону станицы Ильинской.Как малочисленные полки - я назначил 2-й Кубанский полк войскового старшины Савченко в сторожевое охранение,а 1-й Кубанский полк войскового старщины Сердюка,с утра,должен выслать разъезды.

Пластуны и Кавказские гренадеры занимают позиции по бугоркам,что севернее станицы Дмитриевской.

4-я дивизия сосредоточивается к юго-востоку от Дмитриевской.

Штаб корпуса будет находиться на высоком кургане,что южнее станицы, у шляха на станицу Кавказскую.

После вчерашняго успешнаго боя,части корпуса беспечно отдыхали в своих квартирах богатой станицы - как неожиданно прискакал ординарец из штаба корпуса,с уведомлением,что красные наступают со стороны Ильинской.

Отдавать распоряжение по полкам было уже поздно от такой неприятной

неожиданности,почему и зацекотал штаб-трубач Василий Диденко:

"Тревогу трубя-ат!.. Скорей седлай коня-а!
Оружие опра-авь!..: Себя осмотри-и!
Быстро на сборное место веди коня -
Стой,равняйсь и приказа жди-и!"

Станица моментально взбудоражилась.Полки 2-й дивизии самостоятельно скакали через греблю и выстраивались в резервныя колоны севернее ея.
В водоворот скачек попал и штаб дивизии.

Гребля...Она была станичной стройки,из одной насыпной земли,очень высокая,с выбоинами,по которой казаки скакали в колне "по-три".
Лабинская бригада выстроена.Она имеет чуть свыше одной тысячи шашек. 1-й Кубанский полк маячил на северо-западном горизонте.Скачу с начальником штаба генерал-лейтенантом Арпсгофеном и громко здороваюсь с полками.Казаки отвечают бодро,дружно,молодецки.Поздоровавшись,от,ехав в сторону и повернувшись к генералу,говорю ему:

"Извините меня,Ваше Превосходительство,,что я поздоровался в Вашем присутствии с полками".
"Зачем-же Вы извиняетесь,Федор Иванович? Вы поступили совершенно пракильно",отвечает он.
"Да,конечно,но Вы старше меня в чине... и мне неловко перед Вами", говорю ему,65-летнему "старику",генеральнаго штаба генерал-лейтенанту.
И вдруг слышу от него совершенно твердые слова:

"Вы - начальник дивизии,Федор Иванович,а я у Вас - начальник штаба. Это есть абсолютное Ваше право и обязанность".
Его мышление мне понравилось.Об этом очень приятном генерале - я напишу и еще.
Мне тогда было 27 лет,и по возрасту - я годился ему во внуки.Вот почему мне и было неловко перед ним.

Лабинская бригада стояла совершенно укрыто в небольшой ложбинке впереди гребли и перед небольшим перекатом местности,который скрывал от казаков все то,что находилось севернее его.
Правее Лабинцев видны были цепи 2-го Кубанскаго и 4-го Линейнаго полков,ведущих перестрелку.Восточнее этих спешенных полков,должны быть цепи пластунов и гренадер.
Снега здесь почти не было,а стояла все та-же Кубанская черноземная тягучая грязь,а скучную картину местности добавляло серое безсолнечное утро.
Что-бы хоть немного выяснить - что-же происходит впереди? - оставив весь штаб дивизии возле полков - один,наметом,выскочил на бугорки-перекат,которые прикрывали Лабинскую бригаду.Они находились шагах в ста от нас. И... каково-же было мое удивление,когда в каких-либо пяти-стах шагах к северо-востоку от нас - я унидел три густых и длинных цепи красных,спешно наступающих на станицу Дмитриевскую.Между 2-й и 3-ей цепями было до двух десятков пулеметных линеек.Они спускались со второго переката местности,что перед станицей Ильинской,почему и шли быстро,как я заметил - с уверенностью в своем наступлении.
Четыре их орудия,заняв позицию за их перекатом - прямою наводкою обсыпали шрапнельным огнем жидкия цепи казаков,занимавших позиции на главном тракте Ильинская-Дмитриевская.Мне показалось,что сокрушающий огонь красной артиллерии,совершенно парализировал ружейный огонь пластунов и малочисленных спешенных полков 2-го Кубанскаго и 4-го Линейнаго.Да и пластунов было немного.Там обозначилось замешательство.

Конница красных,широкой рысью,с перескоком на намет /галоп/,по высокому возвышению праваго берега речки Калалы - спешила обогнуть станицу Дмитриевскую с востока.Голова ея уже приближалась к околицѣ.Она,видимо, запоздала своим "обходом" перед пехотою и потому,заметно торопилась,растянувшись в своей густой колоне.Пехота же их наступала стройно,твердо. Левый ея фланг уже был у самых крайних домов.Там,как выяснилось потом - баталион желто-погонных Кавказских гренадер Добровольческой армии,схватив своих офицеров - передался на сторону врага,оголив правый фланг пластунов.

Здесь я должен подчеркнуть,что этот баталион гренадер не имел и ста пятидесяти штыков.

4-я Кубанская казачья дивизия полковника Хоранова не была мне видна и только на очень высоком остром кургане южнее станицы,по шляху в Кавказскую,стояло несколько человек,по диспозиции - штаб корпуса генерала Науменка.Картина сторон предполагаемаго боя - видна была ему как на ладоне.

Красные могли уже торжествовать в своей победе,так как положение сторон было только в их пользу.Корпус был застигнут врасплох и части заняли свои места по букве диспозиции.

На открытой местности,через неглубокую но широкую балку,положение наступающих красных,была видна всем частям,бывшим в цепи и говорила не в их пользу.

Спешенные 2-й Кубанский и 4-й Линейный полки уже отступали.1-й Кубанский,в конном сторе своего малаго состава маячил на северо-запад от Лабинцев.Лабинскую бригаду,сосредоточенную в ложбине красные еще не видели,как и Лабинцы еще не видели ничего ни впереди,ни на флангах своих, прикрытые перекатом местности.

Все это определилось в моих глазах в один момент и гораздо короче того времени,как пишется об этом.Момент был опасный критический и дорогой. Позади Лабинцев - узкая гребля,только что пройденная на широких аллюрах. Ея,Лабинская бригада в 1.200 лошадей со всеми пулеметами и санитарными линейками не успеет перейти.Первая красная цепь в пяти-сот шагах от нея. Станица Дмитриевскя расположена по обеим склонам балки болотистой речки Калалы.По улицам топкая грязь.У переправ,буквально,по-колено:- "топь".

Раздумывать долго неприходилось.Все это пронеслось в моей голове в течении нескольких секунд. Бригада назад не успеет отойти...

"Пройдя реку - сожги мосты перед боем.... что-бы никто не оглядывался-бы назад" - сказал какой-то древний мудрец.

Огорошенный всем виденным - сорвался с переката назад,подскакал к Лабинцам и сорвал ее с места командой:

"Бригада-а!...широкой рысью за мною - ВПЕРЕ-ОД!"

Никто из них не знал и не видел - что было впереди? Даже и начальник штаба дивизии,генерал Арпсгофен.Разсказывать "обстановку" было некогда и ненужно.Каждая минута времени была дорога.Передняя цепь красных находилась,ведь,только в 500-х шагах. В естественном переживании своей души, как к самой надежной части - я стал перед 1-м Лабинским полком,которым тогда вр.командовал мой заместитель,полковник А.П.Булавинов.Штаб дивизии в 30 коней - был между полками.Полки оставались в резервной колоне,в которой они стояли,ожидая приказаний. И в таком скученном строе - Лабинская бригада чуть свыше одной тысячи всадников,не считая пулеметных команд - неожиданно,таинственно,молча появилась на перекате и,увидев красных - сразу-же,вупор,обрушилась на них.

Кучная стройная молчаливая масса казачьей конницы,15 развивающихся

цветных значков на высоких древках-пиках в одну линию с веселыми белыми "Фостиковскими" конскими хвостами на них /12 сотенных,2 полковых флага и один штаба дивизии/,при гробовом молчании всадников, густо,напористо показавшихся на перекате и не останавливаясь ни на секунду потоком двинувшихся на красных - безусловно,ошеломило их. Передняя,самая сильная цепь красных,немедленно остановилась и "стоя" открыла по казакам сильнейший огонь,а потом,повернувшись назад - стала отходить ко второй своей цепи.

Красные наступали прямо на юг.Положение Лабинской бригады было к югозападу от них,Поэтому,1 й Лабинский полк,своей резервной колоной невольно повернулся при атаке на северовосток,почти на 45 градусов так,что 2-й Лабинский полк полковника А.П.Кротова - оказался уступом левее и позади него. Вот почему весь огонь красных и сосредоточился на 1-м Лабинском полку.

Красив и благодатен наш Кубанский чернозем для казака-хлебороба,но тогда,в тот роковой момент атаки - его я проклинал безжалостно.... Аллюр "рысью"только могли дать наши кони,утопая "со-щеткой" в прошлогодней жниве.

2-я и 3-я цепи красных,повернув назад,стали спешно,и в полном порядке,отходить так же назад,к своей исходной возвышенности,видимо,и не думая сдаваться.И каких-нибудь 400-500 шагов,разделяющих нас с красными - - казалось непреодолимыми...

Лошади казаков изнемогали.Боязнь,что полки недойдут "до шашечнаго удара" - щемило душу.И как последним драгоценным резервом - бросаю в массу: - "ШАШКИ К БОЮ-У!...В КАРЬЕР-Р!... УРА-А-А!!...И красивой белой полосою на миг сверкнули сотни обнаженных клинков,и что-то похожее "на крысиные прыжки" - обозначилось в колонах.Казаки ближе и ближе красным. ... ближе и еще... первая цепь красных,в смятении дав и еще один-другой залп - "сломалась" и,к удивлению - побежала в безпорядке на утек.Это, словно,прибавило силы нашим лошадям.Мы уже,определенно "догоняли" переднюю цепь красных,но она,все-таки,бежала,уходила от нас.Я тогда удивился этой невиданой мне еще до этого сопротивлению красной пехоты,но чувствовалось,что она будет настигнута.

Удивительно сознательныя переживания бывают в самыя критическия минуты.

Страха не было совершенно.Было,даже,интересно,словно на охоте в погоне за зверем,который был уже затравлен.

Пулеметныя линейки красных,не открывая огня,бросили свою пехоту и понеслись на север в станицу Ильинскую.Снялись с позиции и их 4 орудия. Ушли и они,уклонившись от боя.

Услышав позади себя густой сап лошадей - оглянулся и вижу: - 1-й Лабинский полк уже не скачет резервною колоною,а разравнявшись - казаки сванут во все силы своих коней,но так уверенно,так зло,словно волки за ускользающей добычей.

К удивлению своему вижу,что некоторые из них,на своих прытких кабардинцах,уже обгоняют и меня.Обгоняет меня с обнаженной шашкой и мой личный штаб-трубач Василий Диденко. Упоенный атакой - он,старый служака, видимо забыл,что его постоянное место позади своего начальника и быть его рупором в распоряжениях на сигнальной трубе.Но я его не остановил... Все казаки гичат,кричат и неистово стремятся вперед,что бы дойти "до шашечнаго удара".

Мне досадно,что казаки "обгоняют меня".И что-бы принудить свою кобылицу "Ольгу" к более сильному аллюру - впервые оскорбил ее,эту благородную лошадь,участницу,и на Маныче и от Воронежа во многих атаках - щелк-

нув ее по правой ляжке шашкой "плашмя".И она,вздрогнув от неожиданости - только немного усилила свой аллюр. Высокая крупная донская лошадь с широкими копытами - она на них тащила целую груду грязи,тогда как кабардинские кони,своими высокими и узкими копытами "стаканчиком" - к ним грязь,казалось,и не приставала.

И вот,передние из казаков-Лабинцев 1-го полка,на моих глазах,уже врезались в первую цепь и разстроили ее.В полной своей безпомощности она остановилась,бросила винтовки на землю и подняв "руки вверх" - побежали навстречу казакам.

Вторая цепь красных остановилась и открыла "стоя" сильнейший огонь и по казакам и... по своим,сдавшимся уже. Это было еще болеее удивительно для нас.

Застрекотали их еще не успевшие уйти пулеметы,но остановить казаков уже не могли и лишь усилили нажим их.

1-й Лабинский полк,разрозненный и от скачки и от потерь - не терял своего строя.И руководимый,подчеркиваю,храбрыми своими командирами сотен /о них я скажу/ - головными своими взводами - полк дошел таки и врезался во вторую цепь красных.Видя полную безпомощность - остановилась и третья их цепь,резерв в 2-х шереножном развернутом фронте,уж у самаго переката местности,откуда видна была вся станица Ильинская как на ладоне.И видно было,как по прямой улице от южнаго моста через Калалы - вверх скакали пулеметныя линейки красных;а орудия,были уж на севере от станицы и выпустив "по пустому полю боя" несколько шрапнелей - замолкли.

2-й Лабинский полк,мощный и совершенно не разстроеный - приближался к нам слева,ровно и спокойно,готовый мигом ринутся на помощь своему брату - 1-му Лабинскому полку.

В это время,1-й Кубанский полк Сердюка - маячил перед Ильинской станицей влево от нас.

2-й Кубанский и 4-й Линейные полки и пластуны - самостоятельно продвигались вперед за частицею красной пехоты,на их фронте,которая со сдавшимися гренадерами повернула на восток и по рыхлому льду Калалы - безнаказанно ушла....

Все поле кипело пленными и казаками. Бой окончен. И стало тихо кругом,словно здесь и не летала смерть лишь несколько минут тому назад.

Конница красных,с высокаго своего бугра увидев гибель пехоты - остановилась,постояла несколько минут и повернув на-лево - шагом двинулась на восток,в направление станицы Успенской,видимо считая,что станица Ильинская ими потеряна.На удивление - 4-я Кубанская дивизия полковника Хоранова не вступила с нею в бой,не преследовала ее и где она /дивизия/ была - нам,находившимся в ложбине - не было видно.

Все поле боя было покрыто было разрозненными конными казаками 1-го Лабинскаго полка и пешими красноармейцами.Казаки подбирали своих убитых и раненых,сгоняли пленных в одну группу,изолируя их от своих винтовок, брошенных на землю.Получилась какая-то "месиво людей".Зная по опыту,что красная пехота,видя малочисленность,иль заминку казаков - подхватывала с земли свое оружие и вупор разстреливала казаков,почему и кричу-приказываю штаб-трубачу Василию Диденко "трубить сбор".И залилась труба: -

"Соберитеся всадники ратные,
Бурею ринуться,шашкою тешиться...
Дружно мы сломим врага-а!
Слуша-айте,всадники-други -
Звуки призывной трубы-ы!"

Минуты были горячия.Я весь был погружен велением как можно скорее привести в порядок 1-й Лабинский полк и отправить пленных к командиру корпуса,генералу Науменко,который находился со своим штабом и 4-й дивизией к югу от станицы Дмитриевской,как неожиданно обнаружил возле себя своего начальника штаба,о котором во время атаки совершенно забыл,как и забыл свой штаб дивизии в 30 человек с ординарцами.

На маленькой утомленной лошаденке с кавалерийским седлом,в англйском обмунировании,с бритым лицем и без фуражки - среди разгоряченных казаков на кабардинских лошадях,в черкесках и папахах - он казался воином иного государства.У него,явно,растерянный вид,но он с приятной улыбкой смотрит на меня своими умными глазами,как-бы спрашивая - а что-же будет дальше? Его душевное состояние можно было определить двумя словами: - "растерянно-радостное"в своей безпомощности,как бывает мотылек,попавший в пучину быстро несущагося ручья.Он там все еще и остается "цветком", еще и не потерявший своего облика цветка,но в то-же время он и не может быть "цветком" и отдавать своим естественным благоуханием.Он там растерян и безпомощен. Так и 65-летний старик-генерал генеральнаго штаба,попав в массовую атаку бригады,скакал с нею как тот мотылек в пучине ручья.И скакал во главе своего штаба дивизии в первых рядах,на уровне головных взводов сотен.И тогда,как в полку никто не был ни убит,ни ранен - в его штабе дивизии ранен один офицер. /из офицеров/

В этот вечер,при всех офицерах штаба дивизии - он скажет мне: - "Ну, Федор Иванович - спасибо Вам.Первый раз в своей жизни сегодня я ходил в конную атаку.Не скрою - страшно было...но и очень интересно...даже и тогда,когда "душа уходит в пятки".

Все офицеры скромно улыбались на эту его шутку.Улыбаюсь и я за его такую безхитростную простоту выражений и полную человеческую откровенность.

Вот почему,в тот момент конца боя,когда он на рысях подошел ко мне как подчиненный и ласково улыбаясь смотрел мне в глаза своми стекляновозбужденными глазами,которые,как-бы спрашивали - "а что-же дальше делать?... и окончилось-ли все это - страшное,страшное,непонятное? Я его тогда вполне понял и не осудил.Одно дело - молодой,холостой,строевой 27-летний полковник и совсем другое дело - старый ученый генерал,привыкший работать в штабах.

"А где-же Ваша фуражка,Ваше Превосходительство? - был первый мой вопрос к нему.

"Утерял во время скачки,Федор Иванович",отвечает он /он так и сказал "во время скачки" а не "во время атаки"/.

Конница красных,видя что ее никто не преследует,сделав дугу на восток - вдруг повернула к станице Ильинской.Это была "вчерашняя"конница красных - Отдельная кавалерийская бригада Коркишка.При ней не было ни одной подводы,понимая "пулеметных линеек".Она была равна численности Лабинской бригады.Но мы сильны пулеметами.Ее надо отрезать от Ильинской и атаковать.

Бой с красной конницей был-бы более опасен чем с их пехотою.Под генералом маленькая невзрачная лошаденка.Куда на ней он поскачет?- думаю.

"Ваше Превосходительство,пожалуйста,соберите пленную пехоту и представте ее командиру корпуса,генералу Науменко",говорю я ему,находя ,что "этот предлог" самый подходящий,что бы оставить стараго генерала в безопасном месте.

"Что Вы,Федор Иванович?!..Мое место возле Вас! Я Начальник Вашего Штаба!" очень решительно,с долею обиды, отвечает он мне,этот добрый и

благородный человек.

В это время прискакал ординарец из штаба корпуса,с приказанием мне от генерала Науменко:

"Ввиду критическаго положения 4-й Кубанской дивизии - немедленно прислать к нему в резерв одну бригаду казаков".

То быдо,явно,запоздалое приказание,посланное генералом Науменко до начала атаки Лабинцев.По этому приказанию легко можно было судить,как сам корпусной командир разценивал обстановку и боялся приближавшую к нему конницу красных.И наверное - наблюдая со своего высокаго кургана общее боевое расположение своих частей и такой активный подход красной пехоты к станице Дмитриевской - видимо недопускал возможности,что Лабинская бригада бросится в контр-атаку,а отойдет назад.

Вместо помощью бригадой казаков - я послал ему дивизию пленной пехоты.

В этом деле удивительно быдо то,что весь командный состав красной пехоты,как и политические комиссары - шли пешком в своих рядах,т.е.командна го состава верхом на лошадях,как это было принято у них - н е б ы л о.

Обыкновенно,старший командный состав и комиссары,видя неустойку - бросали своих подчиненных и спасались бегством на своих конях.Здесь этого не было.Все они были пленены.

— • —

Быстро приведя в порядок 1-й Лабинский полк и отправив пленных с конвоем - с Лабинскою бригадою,крупной рысью,под-уклон,двинулся наперерез отступающей красной коннице,в изгиб речки Калалы,что у леска,по кратчайшей дороге.

Левофланговая группа красных,с перешедшими на их сторону Кавказскими желтыми гренадерами,в нашем паралельном движении на северо-восток - спешно,вразброд,по рыхлому весеннему льду переходит Калалы.Ну,думаю,Вы-то от нас не уйдете!

Впереди бригады лавою скачет 4-я сотня очень распорядительнаго есаула Сахно,что бы найти брод.Но я вижу,как казаки бросились по берегу в разныя стороны и не идут в реку.

Бригада у леска.Речка топкал и весенний лед совершенно невыдерживает тяжести лошади,проваливается.Мы вперлись лбом в этот изгиб и упустили время,а красные,сделав большую дугу на восток,повернули к Ильинской и вошли в нее.

К ночи,дивизии приказано было вернуться в Дмитриевскую - стать по старым квартирам.

Ночью,по разжиженной грязи почти до колен лошади - прибыл в штаб корпуса для доклада.

Генерал Науменко рад и весел.Он буквально не знал,как благодарить Лабинцев,спасших положение.Просит садится за стол и угощает чем-то и распрашивает обо всем в подробностях.А потом,глядя на своего начальника штаба полковника Егорова и улыбаясь,говорит ему:

"Видали Елисеева?...какия штуки он отливает..вот молодец... право - молодец!" Егоров,как всегда,улыбаясь через пенсне и.. молчит.

Все это говорилось им так просто,что ежели бы на нас не было военнаго мундира и не говорилось бы о бое - можно было подумать,что генерал Науменко говорил кому-то о какой-то новой безобидной проказе-озорству какого-то Елисеева,может-быть ученика,но не выше ранга юнкера.

Генерал Науменко,в обращении со своими подчиненными,был очень прост, любезен и тактичен. В данном случае - 1-й Лабинский полк в третий раз спасает положение корпуса и - исключительно доблестными своими конными атаками.Как жаль,что заграницей нет тех офицеров-участников.Но все это происходило на глазах командира корпуса,генерала Науменко,который здесь.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ДИВИЗИИ, ГЕНЕРАЛ АРПСГОФЕН.

Я в штабе своей дивизии. Генералом Арпсгофен был уже написан приказ по дивизии и о всех нарядах, и на ночь, и на завтрашний день и задания полкам на случай тревоги. Вкратце и очень умно был описан и сегодняшний бой.

Я удивился, во 1-х: - такой быстроте работы. Во 2-х - когда прочитал его - я не мог изменить ни одного слова. Все было написано так умно, так дельно и так понятно и лаконически, что я невольно посмотрел на своего милаго и добраго генерала-старика, моего начальника штаба дивизии, что-бы как-бы, лучше разсмотреть его.

Я почувствовал тогда, я ощутил тогда - какая, все-же, грамотность и опытность кроется в этом офицере генеральнаго штаба, о котором казаки, да и офицеры полка, говорили со снисходительною усмешкою, как о "не казаке" и старике, и фамилия котораго никак не могли произнести, многие, правильно.

"Аргофин"...называли его так, даже мой старший полковой писарь, человек грамотный, с вахмистерским басоном на плечах. А рядовые казаки доходили в произношении только до слогов - "Аргоф".... А дальше?.. дальше они и не знали - есть-ли еще буквы в его фамилии?

Я подписал приказ и он внушительно приказал ординарцам от полков - немедленно-же отвести его начальникам частей.

Окончив дело - мы сели за ужин. Я впервые сижу с ним за столом так близко и говорю непринужденно. А он меня так мило называет по-имени и отчеству - словно мы были знакомы с ним так давно.

Он очень вежливо разговаривает с офицерами своего штаба, но когда говорит: - "Хоунжий - есть-ли у нас то-то и то-то? Сделали-ли Вы то-то?" - Все те, к кому он обращался - докладывали точно. И я сразу определил, что он достойно поставил себя перед своими подчиненными. Но поставил не "цуком" - а умностью. За все время своего командование 2-й Кубанской казачьей дивизией - я жил с ним очень дружно и не было у нас абсолютно никаких недоразумений.

"Старик"...Он нам всем казался стариком в свои 65 лет. Но был всегда аккуратно одет во все английское и ежедневно брил усы и бороду. Стариком казался потому, что самому старшему среди нас офицеру в полку - было 35 лет, а остальным - от 22-х и до 30-ти.

Когда я пишу эти строки - мне свершилось 11 ноября прошлаго 1962 года - 70 лет от рождения. Но ежели-бы кто меня назвал "стариком" - я обиделся бы. Возможно потому, что сохранил полное свое здоровье?. Но и генерал Арпсгофен был тогда совершенно здоровый и бодрый. Такое заблуждение молодых лет.

О Т З Ы В У Ч А С Т Н И К А.

В Париже проживает Дмитрий Иванович Братчиков, казак станицы Усть-Лабинской. Ему сейчас 78 лет. Тогда он был обер-офицером для поручений при штабе дивизии, кажется, в чине сотника. На мой запрос, в своем письме от 8 июня 1962г. он пишет:

"Я попал во 2-ю Кубанскую казачью дивизию еще в Ставропольской губ. когда ею командовал генерал Улагай в Св. Кресте и с того времени состоял в штабе дивизии до самаго Адлера 1920 года. Много славных операций совершила эта дивизия за этот промежуток времени под командованием таких геройских конников, как Улагай, Говорущенко, в особенности генерал Мамонов, Царствие ему Небесное, был убит недалеко от Царицына; потом генерала Фостикова и наконец - полковника Елисеева.

Что касается операции частей этой дивизии под станицей Ильинской под Вашим командованием,то атака Лабинцев против наступающей пехоты красных,заслуживает того,что бы казачье потомство знало - как жертвенно защищали казаки-Кубанцы свой Край,свои станицы.Все произошло на моих глазах.Все произошло столь скороплительно,что все было кончено в несколько минут.Пехота красных была взята и бросила оружие.Конница-же красных в это время двигалась в обхват нашего праваго фланга,где была 4-я Кубанская дивизия и где был штаб командира корпуса генерала Науменка,за станицей Дмитриевской.План захвата этой станицы был красными командованием хорошо разработан.В лоб шла пехота,а конница в обхват,с фланга.Но все это испортил начальник 2-й дивизии полковник Елисеев.Он правильно оценил обстановку и в нужный момент атаковал красную пехоту и она сдалась.Сколько было взято в плен,я тоже не помню теперь,но во всяком случае,пленных было гораздо больше,нежели казаков,их атаковавших.

Красная конница,с бугра,отлично видела трагедию своей пехоты,движение свое приостановила,постояла несколько времени на месте и не имея возможности помочь своей пехоте - повернула назад и,как будто,взяла направление на станицу Успенскую.

Все это ясно и понятно.Вот непонятно как лично мне,так и другим офицерам штаба - почему командир корпуса и начальник 4-й дивизии в этот момент бездействовали,как буд-то их там и не было на правом фланге?Почему они не развили успех полковника Елисеева до конца? Единственно,что можно предполагать,что там командование наше,просто,на момент растерялось от неожиданности,проявленой начальником 2-й дивизии сумасшедшей своей атакой.Одним словом - ответ,почему там ничего не предприняли - остался,по крайней мере,нам не ясным и более чем странным.Если бы там,на нашем правом фланге,нашелся бы командир вроде полковника Елисеева,то он, оценив создавшееся положение,немедленно со своей дивизией атаковал бы конницу красных и оттеснил бы ее от станицы Ильинской в направлении на станицу Успенскую,а нам бы попало в руки все оставшееся в Ильинской.И таким образом,эта группа красных была бы достаточно потрепана и уже к бою неспособной.С другой же стороны,дух наших войск поднялся бы и вот, таких два-три сражения - и все пошло бы наоборот." /Продолжение этого письма будет помещено по ходу дальнейших событий,Ф.Е./.

П О Л К О В Н И К В.З.Х О Р А Н О В.

Он православный,Валентин Захарович,из осетинскаго селения Ардонскаго, что рядом со станицей Ардонской Сунженско-Владикавказскаго Отдела Терской области.По-осетински он - Уджуко Джанхотович.

После гимназии,хотел стать юристом и окончил Ярославский Демидовский лицей.Потом окончил в Москве Александровское военное училище и вышел хорунжим в один из пластунских баталионов Кубанскаго Войска.За несколько лет до 1-й Великой войны 1914 года - перевелся в наш 1-й Кавказский полк раскинутый сотнями по Персидской и Афганской границах,в селениях - Тахта-Базар,Пуль-и-Хатум и крепость Кушка.Две сотни со всеми командами и штаб полка квартировали в г.Мерве,Закаспийской Области.В 1913 году,когда я прибыл в полк молодым хорунжим,по окончании Оренбургскаго казачьяго училища - он был в чине под,есаула и имел 39 лет от рождения,будучи младшим офицером,вначале 2-й,а потом 3-ей сотни.Последняя стояла в Мерве.

Старшие офицеры были все с ним на "ты" и называли его только по имени - "Уджуко".Мы же,молодежь,называли его по-православному - Валентин Захарович.

Отличный полковой товарищь.Веселый,добрый,беззаботный.Любитель пошутить и критиковать высшее начальство,начиная со своего командира сотни,есаула Зиновий Захаровича Котляр.Дамский кавалер.С женою был в траической раз-

луке из-за своего друга,офицера-осетина,Лазаря Бичерахова.Скучал,почему ежесубботно посещал балы в гарнизонном собрании,как единственное культурное развлечение в Мерве.Отлично танцевал все бальные танцы,а свою Кавказскую лезгинку - исключительно тонно,стильно,с полным пониманием этого классическаго танца Кавказских горцев.

Был спортивен и силен.И несмотря на свою,слегка,мясистую фигуру - приходя в нашу учебную команду - отлично делал "скобку" и на паралельных брусьях и на турнике.А прыжками в длину - никто не был сильнее его.

К казакам был очень добр,службой их не напрягал.Коннаго строя он мало знал,не интересовался им и,даже,не имел собственной лошади,выезжая на редкия ученья на казачьей лошади.

По мобилизации 1914 года - командир полка,полковник Д.А.Мигузов,Терский казак - с удовольствием откомандировал его в Войско для формирования 2-го Кавказскаго полка,т.к.не любил его,как не любил командира и Хоранов.

На войну он вышел командиром сотни и вернулся по ея окончания в чине полковника.

В граждансокой войне некоторое время командовал 2-м Кубанским полком в корпусе генерала Улагая за Царицыным в 1919г.,но неполадил с ним и Улагай уволил его - так он мне сам рассказывал потом.С ним я дружил еще с Мерва,как "два мушкетера в танцах".

В брошюре №1-й - я описал,как он попал во 2-й Кубанский корпус генерала Науменка и,по событиям,по отсутствию генералов - он совершенно случайно возглавил 4-ю Кубанскую казачью дивизию.

Я тогда был удивлен,что он,своей дивизией,не атаковал конницу красных В 4-й дивизии тогда было не менее одной тысячи шашек и по численности, Кавказская бригада не уступала Лабинской.Как передавали мне офицеры-Кавказцы - дивизия была спешена и залегла в цепи.Это было более чем странно. Была бы глубочайшая трагедия для нея,если бы Красный командир бригады Коркишка,атаковал бы ее. -ежели таковое было-

Возможно,что он не исполнил приказания командира корпуса - атаковать красную конницу,отходящую вспять,что на Хоранова похоже.Кстати сказать, он старше летами,как и в офицерском чине против генерала Науменка - лет на восемь.Этого Хоранов так же никогда незабывал нигде.Возможно,что воспитание в пехотном военном училище,наложила свою печать к осторожности и к пешему бою.

Хоранов проявил себя "нехорошо" при капитуляции Кубанской армии на Черноморском побережьи в апреле 1920 года,коему генерал Науменко сдал свой корпус,о чем мною будет описано своевременно - вот почему и пишу о нем,как предверие о следующем.

Непонятно было еще и то,что с нашей стороны совершенно не участвовала артиллерия.Часть орудий было потеряно корпусом еще в Ставропольской губ.у села Красная Поляна.А с высокого берега Дмитриевской станицы,и пехота красных и конница их - были видны как на ладоне.Разстояние же до них было не свыше трех верст.

Странно читать,и откуда взяты эти сведения,помещенныя на стр.273,том 4-й,в историческом исследовании,следующее,в книге "Казачья Трагедия":

"21 февраля,на реке Калалы у станицы Дмитриевской,2-й Кубанский конный корпус и Кубанские пластуны,после тяжелаго боя - разгромили три полка пехоты и свыше полка конницы,захватив 380 пленных".

Незнаю - была-ли это дивизия иль бригада красной пехоты,но она была полностью пленена и без потерь с ея стороны,так как пленных казаки уж не рубили.А красная конница отошла в Ильинскую совершенно безнаказанно.

В этом бою,наши доблестные пластуны,коих было немного,вели лишь перестрелку со своих позиций.Весь же бой продолжался,атака,столько минут,сколько потребовалось коннице пройти,в среднем,крупной рысью 500 шагов.И вся тяжесть боя,как и Слава,принадлежат только 1-му Лабинскому полку,во главе котораго стоял полковник А.П.Булавинов,старый Лабинец.

К А З А Ч К А В И В Ч А Р Е Н К О.

День 22 февраля был днем полнаго отдыха для полков дивизии.Я живу в штабе дивизии вместе с генералом Арпсгофен.Штаб помещался в доме богатаго казака.В зале стоит большой сундук,охваченый со всех сторон мелкими треугольниками цинка разных цветов.В этом фасоне сундука я узнал,что хозяин дома,бывший урядник-конвоец и семейство его,подобным сундуком гордится.Мне эти сундуки всегда нравились.Их заказывали все казаки-конвойцы в Петербурге,перед возвращением домой,как незабываемую память о о своей службе в Собственном,Его Императорскаго Величества,Конвое.Имел его и наш родной дядя по матери,урядник-конвоец Алексей Петрович Савелов,казак станицы Казанской,в котором хранились его гвардейские мундиры.Все это было мне хорошо знакомо с детских лет.

Здесь,я невольно подхожу к такому сундуку и любовно оглаживаю его в знак своего восхищения и щегольской работой Питера и уважения к хозяину его,уряднику-конвойцу.

На медной пластинке сверх "внутренняго звонка со звоном" - читаю:

"В подарок моей супруге Марiи,урожденной Вівчаренко"

Странно,думаю:- Дмитриекская станица типично "линейская" и далекая ото всего "украинскаго" и - откуда этот казак "выдрал" себе жену-хохлушечку?

Посмотрел еще раз на сундук,полюбовался им и отошел.А за обедом вместе с генералом,всматриваюсь в молодую хозяюшку,которая должна быть в девицах "Вівчаренко".Приятная стройная красивая казачка лет 28-30-ти - с ласковостью подает нам кушанье и,нет-нет,да и бросит на меня,какой-то "родственный взгляд".

Обед окончился.Она убрала все со стола.И когда ушли все офицеры,я спрашиваю ее:

"Твой муж гвардеец,хозяюшка?" /В станицах называли их "гвардеец",но не "конвоец"/

"Да... а што?" - лукавоо отвечает она."Почему это Вы узнали?" улыбаясь продолжает молодица.

"А по сундуку"...говорю ей и также улыбаюсь.

"А Вы там больше ничего не заметили?"вновь лукаво спрашивает.

"Заметил...Вівчаренко твоя девичья фамилия. Правда?" Она еще больше улыбается и весело продолжает:

"А Вам эта фамилия ничего не говорит?"

"Очень знакомая,но право,ничего не могу припомнить о ней".

"Да Вы-же будете Федя Елисеев?... с Кавказской?" уже смеется она.

"Да-да!... а что?" Тогда она еще больше улыбаясь и задорно говорит:

"Да неужели Вы меня не помните?...на свадьбе моей старшей сестры?.. на хуторе Вівчаренко,у нашего отце,лет 12 тому назад,когда Иван Тимофеевич Тарасенко брал замуж мою старшую сестру... Вы тогда с братом были шаферами.. и даже,со мною целовались,когда играли "в фанты",при песне

"Я сижу,горю,пылаю,
На калиновом мосту...

И я вспомнил... даже и все подробности.
"Так неужели это ты,Маруся?... младшая сестра?" взбудоражено,весело спрашиваю ее.
"Ну,канешна!.. а што - подурнела? - лукавит она.
"Да не подурнела,а наоборот,разцвела дорогая!..но и как это было давно!" - отвечаю ей. И передо мною возстановились так приятныя картинки былого юношества,давно забытыя,словно ушедшия в потусторонний мір...
Прошло только 12 лет и - как все переменилось! И если я в душе был шокирован,когда она произнесла - "Да Вы-же будете Федя Елисеев" /это начальника-то дивизии/!?/,то узнав кто она - мне было так приятно вспомнить о былом и говорить с нею,как с родной сестрой.
Мужа мне так и не пришлось увидеть.Он был помощником станичнаго атамана и в те суровые дни боев - находился все время в станичном правлении.Конечно,он так и остался в своей станице,после нашего оставления ея,как и все население несчастной нашей Кубани. Жуткая доля Казачества!

НАША СЕСТРЕНКА-Н А Д Ю Ш А.

Было уже полуденное время того дня.В окно вижу по улице движется шагом "мой Хоперский выезд" - кучер Максим,что отступил с Хоперцами от самаго Воронежа,со своей губернии а позади его,в отцовской тачанке,сидит Надюша,бросая взгляды по дворам,ища Лабинский полк.Вороные как смоль жеребцы,гривастые и хвостатые,хорошо откормленные и вычещеные,совершенно достойны для командирскаго выезда. Надюша в моем черном длинном зимнем бешмете,подарок ей,и в маленькой черной шапченке.Казачек сидит в тачанке,да и только,глядя на нее каждый подумает.
Ея неожиданное появление здесь,в тревожной обстановке,мне не особенно понравилось.Выскакиваю на парадное и кричу:

"Максим!... Надя! - сюда-а!" Максим натянул возжи и с шиком подкатил к парадному крыльцу,снял моментально папаху и весело произнес: - "Здравия желаю,Федор Иванвич,господин полковник!" А Надюша,по-мужски соскочив с высокой тачанке,бросилась ко мне и защебетала:

"Фе-е-дя-а!.. в станице только и говорят о Лабинцах!...опять пригнали много пленных красных!.. и кого не спросишь - кто их взял? - все говорят - 1-й Лабинский полк. Нашим станичникам немного досадно,что делают все это Лабинцы,когда тут-же и свои Кавказцы,но все знают,что командирам Лабинцев ты,потому все и рады... ненахвалят тебя... вот я и приехала сюда,что-бы тебе все это разсказать",радостно говорит она захлебываясь.
"А мама и бабушка - так аш плачут от радости",добавляет.
Через три дня,таже бабушка и наша мать - будут плакать уж не от радости а от горя и полной неизвестности,так как из дома уйдут в горы,к Черному морю все мы три сына офицера и вот эта щебетунья-Надюша с 1-м Лабинским полком.А дома останутся две безпомощныя старушки и два подростка,наши самыя младшия сестренки - Фиси 14 лет а Нине 12-ти.

ТОСТ ПОЛКОВНИКА А.П.Б У Л А В И Н А.

Сегодня гг.офицеры 1-го Лабинскаго полка справляют званный ужин в честь вчерашней атаки.К тому-же,из станицы Константиновской прибыли два старика-ходока,узнать - как дела на фронте? И надо-ли полку еще какой-либо помощи?То были отцы двух хорунжих - Михаила Копанева и Меремьянина-пулеметчика.Но главное - полк хочет почтить меня,о чем еще утром пришел ко мне полковник Булавинов и просил пожаловать "в гости".

"С огнями",тоесть,вечером - я прибыл с генералом и познакомился со стариками..Старикам-же этим было лет по 50-ти.За солом посадил их рядом с собою,как почетных гостей. Рядом с отцами посадил и их сыновей-хорунжих.Почет делался не чинам,а людям,сердцу казачьему.Ужин был если и не пышный,но всего было вдоволь.Не хватало напитков только.Их было мало. В соседней комнате играл полковой хор трубачей.От Кавказцев присутствовал наш старший брат Андрей,есаул.Конечно,была и Надюша-гостья неожиданная,которую все офицеры полка так полюбили.

"Под жареное",полковник Булавинов,как хозяин стола,встал с "тостом". Он не любил высшие штабы и генеральный штаб,т.е.офицеров генеральнаго штаба.А успехи полка,как стараго Лабинца /он сверстник по выпуску из военнаго училища генералам Бабиеву и Фостикову/,буквально взбудоражили его мятуще-критическую душу.

Он говорил о строе,о строевых офицерах,на ком лежит вся тяжесть боевой работы.В своем развитии этого "строевого тоста",очень складнаго и продуманнаго,он дошел до того,что оскорбил корпус офицеров генеральнаго штаба.И в доказательства своей истины,указал,что - вот пример: - как только принял полк,а потом дивизию строевой офицер,не генеральнаго штаба,полковник Елисеев - посмотрите - какие успехи пошли!"

Тост этот очень "задел" моего милаго и благороднаго начальника штаба.Выслушав его,сидя со мною рядом - тихим голосом он просил меня покинуть стол.

Мне было неудобно и безконечно жаль этого,безусловно,очень культурнаго и воспитаннаго стараго русскаго генерала генеральнаго штаба,который по событиям момента и как гость - не мог и,может быть,не хотел отвечать хозяину стола и,в данный день,командиру полка;и,как единственный протест - решил молча уйти..На мои уговоры - он решительно отказался остаться и... ушел.

По-дружески,я пожурил Булавина тут-же,после ухода генерала и вдруг слышу от него не раскаяние,а радость,что ушел генерал.И тут-же уверяет меня,как и офицеров,что "верхи" не выведут нас из беды.И наша кровь сейчас - льется даром....

По воинской дисциплине - я мог приказать Булавинову "остановиться" в дискредитировании высших начальников,но вижу на лицах у всех офицеров "удовольствие" слушать Булавинова и,даже,радость в глазах.

Гражданская война есть война народная.И с народом надо было считаться.И "цукни" вот сейчас их всех - завтра они "повесят носы",как оскорбленные.

Полковник Булавинов меня хорошо понял,но вновь утверждает и успокаивает,что на обиду генерала не стоить обращать внимание,и правду им - говорить надо.И он не только что не раскаивается в этом,но и очень рад, что все высказал.

Мне все это,все-же,не понравилось.Вечер был испорчен.Но,оказалось впоследствии - что Булавинов был прав: - Кубанскую армию,ровно через два месяца,покинули многие генералы....

НОВЫЙ БОЙ В СТАНИЦЕ ИЛЬИНСКОЙ.

23 февраля,генерал Науменко приказал 2-й дивизии занят станицу Ильинскую.Выступление назначено к вечеру.В лоб,на мостик у самой окраине станицы чараз рукав Калалы - был брошен 1-й Кубанский полк,который сналета захватил в плен полевую заставу с двумя пулеметами.

Моросил мелкий нудный дождик.Маленький ростом,но очень на высоком и сильном гнедрм коне,ко мне прибыл командир 1-го Кубанскаго полка войсковой старшина Бердюк и доложил об успехе,весело улыбаясь по-дружески.

Я смотрю на него и также весело улыбаюсь,т.к.он был очень странно одет.Поверх кителя - шашка,кинжал,револьвер,бинокль.На голове,поверх папахи - шерстяной вязаный шлем,черз отверстие котораго видны толко глаза и нос Сердюка."Шлем" мокрый,ползет ему на-глаза.Мощный конь неслушает его повода.Он вертится передо мною шагах в 10-ти и все время улыбается.Я отпускаю его и вслед кричу:

"А сколько у Вас в полку шашек,Фомич?"/так мы его звали в училище/

"Да сто двадцать пять!" выкрикнул он уж на ходу и поскакал к своему полку в 125 шашек.

С Лабинскою бригадою ,широкой рысью,я направляюсь прямо к центру станицы.Красная конница выскочила на восток станицы.Ища "живую силу врага",что бы ее уничтожить - бригада последовала за нею.Но один из рукавов Калалы и тут пересекает нам дорогу.Красные спешившись в северо-восточной части - встретили казаков огнем.В станице грязь гораздо глубже чем в степи.Одна из конных групп человек в 200 угрожала уже с восточной стороны.Видно было,что красные совершенно не хотели покидать станицы.Высланный 2-й Лабинский полк оттеснил эту группу.Уличный огневой бой затянулся до вечера.Мы занимали юго-восточную часть станицы,а красные северную.Обе стороны разделял болотистый рукав Калалы.При таких обстоятельствах,оставаться на ночь в станице было невозможно.Казаков было меньше и мы были без резерва.Генерал Науменко с остальными частями оставался в Дмитриевской.

Дождавшись сумерок - тихо,,казалось незаметно,я повел полки обратно к переправе,что на юге станицы.Но только что Лабинская бригада тронулась,как вслед,и немедленно,появилась красная конница,и под улюканье и матерную ругань,открыла по нашакам с седел огонь со всех сторон,но боясь атаковать.Выслав часть пулеметов к югу,что бы обезпечить нашу переправу,остальным приказал ответить "огнем на огни".Красные сразу-же замолчали.

В непролазную грязь,в колоне "по-три"перешли мы обратно Калалы через единственный мостик к Дмитриевской и вернулись на старыя квартиры.

Одно было приятное сознание,что женщины-казачки станицы Ильинской, при появлении своих казаков - щедро несли им из дворов пироги белаго Кубанскаго хлеба и шматки свиного соленаго сала,приговаривая: -

"На-те Вам,родные... а то все забирают у нас эти красные"...К полкам присоединилось несколько десятков Ильинских казаков,которые увидев красных воочию - испугались за свое благополучие.

Явившись к генералу Науменко и доложив обо всем - с его стороны не встретил осуждения в неудаче.Доклад он выслушал серьезно и сказал,что завтра пойдет в наступление весь корпус.

— • —

Для прочнаго удержания жел-дорожнаго узла станция Кавказская /хут. Романовский,теперь г.Кропоткин/ было недостаточно занятия одной Дмитриевской станицы,имея противника в семи верстах в станице Ильинской, который,в любой день,и неожиданно,мог атаковать и выбить 2-й Кубанский корпус из Дмитриевской.Тогда бы корпус не удержался и под Кавказской. С потерей-же этого жел-дор.узла - прерывалась бы всякая связь с Терским Войском и Терско-Дагестанским Краем всех тут войск и главнокомандующаго генерала Деникина.Прерывалась юы и телефонная и телеграфная связь.Был упущен день,когда 21 февраля корпус не занял Ильинскую,чем отбросил бы красных на восток в станицу Успенскую и на север в станицу Ново-Покровскую,отстоящих от Ильинской на 24 версты.Штаб корпуса,видимо это сознавал и решил занять Ильинскую.К тому-же,Донская армия,1-й и 3-й Кубанские корпуса,были на север от Кубани не менее как в двух переходах.С занятием Кавказскаго узла,красные немедленно бы устремились

в Майкопский Отдел,заняли бы Белореченскую,соединились-бы с красно-зелеными,занявшими к этому времени всю Черноморскую губернию и,конечно, отрезали-бы путь оступления всем войскам,потом отступившим к Туапсе.

В это время,4-й Кубанский корпус генерала Писарева,оставив Ставрополь - действовал севернее Армавира и Невинномысской.Красные могли отрезать и этот корпус от их магистрали Армавир-Белореченская и занять Майкоп.По карте Кубани,эта обстановка более понятна,разсматривая карту.

Был-ли приказ,иль по личному плану - но корпус завтра,24 февраля,выступит для занятия Ильинской.

НОВАЯ НЕУДАЧА...

С утра 24 февраля,весь корпус,без пластунов,сосредоточился юго-зап. части Ильинской,у шляха с хутора Лосева.С дивизиями и генерал Науменко. Стоял пасмурный день.Моросил мелкий дождь.Науменко бросил Лабинскую бригаду вперед.Крупной рысью спускалась она от того кургана,который лежит у Лосевскаго шляха,на уровне станицы Дмитриевской.Мы проходили мимо Кавказской бригады,численностью равной Лабинской.Мне немного было досадно,что вот,в голову опять бросают Лабинцев и в душе чувствовал - на неудачу.В управлении корпусом я не чувствовал при этом наступлении ни порыва,ни дерзания.А тут еще "кислая погода".

Головная сотня моментально сбила красных с мостика,что у кирпичнаго завода.Конница красных,отдельными группами,поскакала во все пролеты улиц Ильинской.

Наученный вчерашним опытом,что втянувшись в станицу,толку будет мало - решил следовать прямо на север,по окраине ,оставив всю станицу правее себя и пройдя ее - занять выход на станицу Ново-Покровскую.Этим маневром красные должны отступить только на восток,к станице Успенской.

В это время,правее Лабинцев,широким наметом понеслась Кавказская бригада,бросившись на восток,вдоль улицы.Это меня устраивало.

Перед Лабинской бригадой легкий под,ем.Здесь прошлогоднее жниво и почва так распухла и так вязка,что нельзя развить сильный аллюр.

Смотрю,красные скачут толпами впереди нас на следующей-же улице и поперек нашего движения.Так приятно ударить их во фланг,решаю.Как в это время,головная сотня,под огнем красных,отскакивает назад.Командир сотни докладывает,что впереди речка.Но я уже и сам вижу ее,потянувшуюся на восток. И красные,пересек ее по мосту,заняли гумна по ту стороны этой предательской топкой речки Калалы. и открыли по казакам огонь,зная, что речку-то мы неперейдем.

С новою досадою поворачиваю полки "взводами кругом" и неся потери, рысью отступаем назад.Одновременно с нами отступают и Кавказцы.

Вновь все сорвалось и я,не ожидая приказания - с бригадой отошел за мостик,что у кирпичнаго завода.

Одновременно пришло и приказание от командира корпуса - "идти домой" в станицу Дмитриевскую.

На высоком кургане у Лосевскаго шляха - генерал Науменко долго стоял со мною и смотрел на Ильинскую,имея спешенные полки позади себя. Нудно моросил дождь и мглою заносил станицу от наших глаз.... К ночи полки вернулись в Дмитриевскую.

ОБ ОДНОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДУШЕ...

Когда я поднялся на этот высокий курган,на котором стоял генерал Науменко - на нем лежали два казака,с винтовками в руках,направленные на Ильинскую.В одном из них я сразу же узнал коннаго вестового всей Турецкой войны 1914-17гг.,у моего бывшаго командира сотни и авторитетнаго друга,под,есаула Георгий Константиновича Маневскаго,Георгия Афанасьева.

Это был крупный сильный казак на таком-же крупном сильном рыжем коне Донской породы,неискушенный и простецкий казак,служивший "не кричаще",но честно и сердечно своему любимому командиру сотни.Маневскаго,кто с ним был на "ты",называли Жорж.В шутку - и Маневский называл своего вестового "Жорж".Тот брал под-козырек и не обращал никакого внимания на эту шутку.Порою и я,младший офицер в сотне Маневскаго,называл так Афанасьева.И вот теперь,не видя его ровно два года,я так обрадовался встрече,что совершенно серьезно и громко восклицаю:

"Здравствуй Жорж!.. Живой?...как дела?"А он,грустный теперь - громко ответил мне ,как и в Мерве и на войне было принято в нашем 1-м Кавказском полку при личных встречах с хорошими казаками -

"Желаю здравия,господин полковник!" и кивнув головою в сторону своей родной Ильинской станицы - безпомощно посмотрел на меня своими печальными глазами.

Казачье сердце,видимо предчувствовало,что он уже никогда не вернется в свою станицу.

"В каком полку служишь и кто ты теперь,Жорж?" участливо спрашиваю его

"Да,подхорунжий я,господин полковник,но... што от этого теперь толк!" грустно,подавленно отвечает он.

"А это,господин полковник,мой младший брат.Увожу и его с собою.И вот, в последний раз глядим на свою станицу",закончил он.

Оба брата эвакуировались.Поселились в Югославии,занялись мелкой торговлей и никому из своих станичников о себе не давали сведений.

ДЕНЬ 25-го ФЕВРАЛЯ. О Т Х О Д...

После этих двух неудачь,я почувствовал,что психологический перелом успехов,вновь перешел на сторону красных.

От 2-й дивизии было выставлено усиленное сторожевое охранение в сторону Ильинской.Что бы показать свою "живучесть" и нервировать красных - - приказал в охранение выставить одно орудие и через каждые полчаса давать один выстрел на их переправу у южнаго моста через Калалы.

На случай тревоге - дивизии приказано сосредоточиться севернее Дмитриевской,но у главной переправе.

Красные с утра подошли к станице.Их мы совершенно не ждали.И когда я со штабом дивизии выскочил через переправу к северной окраине,по главному шляху Дмитриевская-Ильнская, - навстречу мне,через дворы,бежали пластуны и довольно панически.Впереди всех мой станичник,Никита Джендо, неслуживый казак лет 35-ти,с перекошеным от страха лицом,кричит:

"Возвращайтесь назад,Федор Иваныч!... Красные уже во дворах!"...

Не верить станичнику было нельзя.Да и уж больно быстро,главное,через дворы,бежали несколько десятков пластунов. Повернув назад,прошел топь грязи у главной переправы и поднимаясь на противоположную сторону станицы - как в спины нам понеслись пули красных. И вышло так,что штаб дивизии вышел из станицы после своих полков.И полки стояли уже за станицей в достаточном безпорядке.Даже и мой славный храбрый 1-й Лабинский полк.Полковник Булавинов,мой заместитель,на это посмотрел,видимо,"запросто",как естественное явление,что - "мы все равно не удержимся"...

"Собрать свои полки!"зло кричу я командирам еще издали,и тут же узнаю,что в этом неприятном отступлении,смертельно ранен доблестнейший командир 1-й сотни,есаул Минай Бобряшев,казак станицы Владимирской. /О нем потом/.

Штаб корпуса находился на мельнице,что по шляху к станице Кавказской

От генерала получено приказание - "Оставить только наблюдение за станицей - полки овести назад,в балку.

Красные,заняв южную окраину Дмитриевской,вперед не продвинулись и только постреливали по казакам.

Снялся с мельницы и штаб корпуса.Науменко один,без штаба,стоит со мною на перекате к балке,как видим,что впереди нас лежащий курганчик,заняли какие-то пешие казаки и слышим громкий баритональный голос команды:

"Взвод! - ПЛИ!... Взвод! - ПЛИ!"

"Кто это там "залпует?"удивленно спрашивает меня Науменко,но я и сам незнаю.Он посылает казака с приказанием - сняться и отойти.И мы видим - идет человек 20 молодых казаков.Впереди их молодой начальник с двумя Георгиевскими крестами.Он докладывает,что это взвод пластунов станицы Ильинской и они в последний раз давали "салют" своей станице.Науменко улыбается,хвалит командира за молодечество и с миром отпускает их в тыл.

Командир этих пластунов был 20-летний подхорунжий Алексей Дорофеевич Белов,служивший в Добровльческих частях,где за храбрость получил и Георгиевские кресты и звание подхорунжаго.

Потом этот замечательный казак,останется с Кубанской армией на Черномморском побережье;вернется в свою станицу,будет,как все его сверстники, мобилизован в красную армию;будет в Кронштадте с возставшим гарнизоном, уйдет в Финляндию с ним;будет очень активным членом Финляно-Кубанской станицы,украшением ея в песнях и танцах;с джигитами переберется в Америку в 1926-м году и буде зарезан в спину каким то поляком и умрет в больнице в неивестности от полученых ранений ножем... Так жаль этого выдающагося самородка.

После полудня,не видя наступления красных - генерал Науменко приказал 2-й дивизии отойти в хутор Лосев,там заночеват и действовать по обстоятельствам,как видно будет на месте. С 4-й дивизией и остальными частями - он отошел в станицу Кавказскую.

БОЙ У ХУТОРА ЛОСЕВА.

В х.Лосев дивизия вошла засветло. Он весь расположен по северному берегу топкаго Челбасы,имея единственную греблю к х.Романовскому.

Казачья гребля...все они строятся местными общественными средствами да так - лишь бы проехать подводою.Лосевская-же гребля,исключительно ужасна: - узкая,низкая,густо унавоженая.

Зная,в случае наступления нам не удержаться в хуторе - приказал быть на чеку.И действительно,с ранняго утра,раз,езды донесли,что наступает красная конница.Дивизию немедленно же перевел на южный берег и 1-м Лабинским полком занял позицию на склоне в таком разстоянии от реки,до которой недоставал бы пулеметный огонь красных.Все остальные три полка и артиллерию /не знаю,сколько было орудий/ укрыл за перекатом,в балке.

Ко времени завтрака,красная конница,крупной рысью спускаясь с высокаго переката - вошла в Лосев.Мы молчали.Но когда она двинулась к гребле - легким пулеметным огнем Лабинцев - была остановлена.

День 26 февраля начался с ярким восходом солнца.Стало сразу тепло и песчаная почва этого района нашей станицы была суха.День настал чисто весенним и мог только радовать душу казака-хлебороба,так стремящагося после зимы выехать в поле на свою ниву и готовить ее к посеву.Но он для 1-го Лабинскаго полка был особенно тяжелым по своим потерям.

Красные,выждав,к обеду открыли по казакам артиллерийский огонь откуда то из-за закрытой позиции к северу от Лосева.После обеда огонь их усилился.Они так хорошо пристрелялись по нашим ценям,что 1-му Лабинскому полку невмоготу было оставаться на своих позициях.

Уже не раз доносил мне полковник Булавинов,и о потерях и о невозможности держаться на неукрытых позициях.Но я отлично знал,что если мы оставим свои позиции и выпустим из под обстрела единственную переправу - красные немедленно-же перейдут Челбасы и тогда надо будет вести уж настоящий бой,которй может быть не в нашу пользу иль отходить на хут. Романовский,до котораго было 12 верст.

К полудню огонь красных заговорил сильнее.Уже провезли мимо меня изувеченное шрапнельным разрывом доблестнаго командира 6-й сотни хорунжаго Меремьянина 1-го.Вскорости был убит его двоюродный брат,пулеметчик хорунжий Меремьянин 2-й.Из линии фронта потянулись раненые казаки и линейки с убитыми.Я чувствовал,что положение становится буквально не возможным.У меня телефонная связь со штабом корпуса через х.Романовский.Что бы не тревожить корпусного - вызываю начальника штаба полковника Егорова и докладываю ему о невозможности держаться дальше.Он настаивает,что бы дивизия обязательно продержалась до вечера.

Дивизия держится.Но через час положение усугубляется.Казаки все время посматривают назад,в мою сторону,явно,ожидая приказа "отхода".Я ловлю ту психологическую черточку,которая говорит мне,что если красные начнуть переправляться на нашу сторону - казаки уже не выдержат....

Вновь вызываю нач.штаба и уже диктую ему,что может быть через час времени,я снимаюсь с позиции и отхожу в Романовский.Услышав это,полк. Егоров,очень корректный офицер ген.штаба,которй меня отлично знает еще по Корниловскому полку на Маныче весной 1919г.и с которым я всегда был в самых мирных взаимоотношениях - вдруг он оч.решительно,тоном безприкословнаго приказания говорит:

"За отсутствием генерала Науменко,именем командира корпуса,приказываю Вам,полковник Елисеев,во что бы то ни стало продержаться до темноты на занимаемых позициях и только потом уж отходить в х.Романовский. Штаб корпуса,4-я дивизия и все остальныя части корпуса отойдут к ночи туда-же,в х.Романовский!". И добавил еще тверже: - "Вы будете ответственны по законам военно-полевого управления войск,если не исполните моего приказания".Сказал и повесил трубку.

Я понял,что дальнейший разговор с ним безполезен.Как и прав он. Проехал сам к Булавинову,урезонил его критически-мятущуюся душу и усилил его 2-м Лабинским полком.В резерве у меня Кубанская бригада в 250 шашек... На душе было скверно.

И как мы рады были,когда наступила темнота.Я вновь вызвал к телефону полковника Егорова и мы тут уже спокойно ориентировали один другого в общей боевой обстановке.

"Итак полковник,снимайте Вашу телефонную связь и - до встречи в Романовском",совершенно любезно закончил наш разговор Егоров.

2-й дивизии приказано было занять северныя улицы Романовскаго и на ночь выставить сильное охранение в сторону Лосева.Штаб корпуса со всеми своими частями расположится в южной части хутора.

Как известно,х.Романовский разделяется на две равныя части целою сетью железнодорожных путей,сообщение между которыми имеются только на окраинах,подземными мостами.Для пешеходов же - существует два висячих моста.

По знакомому мне с детства шляху - дивизия идет в Романовский.Он расположен в глубокой котловине,но зарево многочисленных огней железнодорожнаго узла - за много верст определяет его местонахождения и радует душу уставшаго путника и нас воинов,уже надорванных боевыми неудачами....

Судьбе надо было сделать так,что 1-й Лабинский полк очень сильно пострадал своими кровавыми потерями 26 февраля именно на том месте,на котором 16 того-же февраля - захватил в плен всю группу красной пехоты с пушками,пулеметами и обозами,отступавшими от х.Романовскаго,понеся при этом совершенно незначительныя потери.

Судьбе угодно было сделать так,что 16-го февраля,когда 4 сотни 1-го Лабинскаго полка скакали по снежной степи от Романовскаго в Лосев,что бы отрезать красную пехоту,отступавшую от Романовскаго - 6-я сотня хорунжаго Меремьянина 1-го,бывшая в заслоне - она гналась по пятам отступавшей пехоты именно по этому шляху,по которому 26 февраля,везли в х.Романовский его тело,изуродаванное шрапнельным разрывом красных.Через два месяца он умрет в Крыму от ран,на руках своей молодой жены-казачки.

Судьбе было угодно еще сделать так,что в трех замечательных по успеху атаках 1-го Лабинскаго полка,небыл ни убит,ни ранен ни один офицер, а теперь,при отступлении,в упорныхбоях,убиты три доблестных офицера, коренные Лабинцы по своим станицам,где они родились,жили и где остались жить их многочисленные родственники. Пусть Войсковая история запишет их имена на своих скрижалях,- есаула Миная Бобряшева,казака станицы Владимирской,и двух хорунжих братьев Меремьяновых,казаков станицы Константиновской,погибших в боях,защищая свой Казачий Удел.

В х.РОМАНОВСКОМ. ПОЛКОВНИК П.Г.МИРГОРОДСКИЙ.

Голова дивизии дошла до тех бугров,которые занимали красные 16 февраля,отойдя от Романовскаго и на которых,в предутренней темноте,напоролся 1-й Лабинский полк. С них,к югу,вниз - сплошное зарево огней многочисленных фонарей паутиннаго железнодорожнаго узла,соединяющаго Россию с Кавказом и Черноморье со Ставропольем.Было и непохоже на войну.Население хутора в 40 тысячь здесь жило,буд-то по мирному.

Мы прошли через жел-дор.переезд на Ставрополь и ту будку,знакомую по 16-му февраля и вошли в хутор.

Квартирьерн ведут штаб дивизии к западу.И в темноте узнаю так знакомые мне места,где наша семья имело подворье.Хутор Романовский был наш, казачий и принадлежал станице Кавказской.Узнаю знакомый дом полковника Павел Григорьевича Миргородскаго и к удивлению,стоявшаго на улице его владельца.Он в длиннополом и длиннорукавом туркменском тулупе в накидку на плечи,видимо,кого-то ждал.

"Здравствуйте Павел Григорьекич!" восклицаю я от такой неожиданной, не видев его с 1917 года,нашего старейшаго Кавказца-ветерана,прослужившаго все свои офицерские годы в полку по окончании Ставропольскаго казачьяго юнкерскаго училища,когда выпускались в полки "чином подхорунжаго".

Любимец всего полка,и офицеров и казаков.В молодости джигит и кутила, но кутила добрый,щедрый,кампанейский.Он казак станицы Брюховецкой.Там у него родовой офицерский участок в 200 десятин земли.Женившись - остепенился.У него взрослые дети.Жена Ольга Константиновна - старшая главная и самая уважаемая полковая дама в Мерве.В день семейных праздников - дом Миргородских полная чаша.Вот почему,не зная еще причины,почему он стоял на улице - я быстро соскочил с седла,считая совершенно недопустимым подать ему руку "сверху".

"Здравствуй дорогой... ходім зо мною... я шось хочу Вам сказать",говорит он,берет меня под-руку и отводит в сторону.

Как природному Черноморскому казаку,ему всегда было легче из,яснять-на родном языке,что всегда у него было и в мирное время и в особенности,когда он волновался.В данный момент,он особенно волновался.И отойдя на несколько шагов от штабного коннаго строя,что бы его никто не .. слышал,продолжает:

"Ось шо...в моем доме отвели постой для штаба дивизии. Я понимаю необходимость...но - завтра прійдуть ці,красные и... в доме полковника ночував штаб дивизии... Вы-же понимаете,шо воны зо мною зроблять!? Нельзя-ли Хвэдір Ваныч,яксь,того...? в другэе місто поставыть його?"

Я полностью понял нашего дорогого и милаго Кавказца-ветерана Павел Григорьевича и желая как можно скорее его успокоить,быстро отвечаю: -
"Конечно,конечно,Павел Григорьевич!"
"И Ольга Константиновна просыть",добавляет он,словно оправдываясь за свое молодушие.

Если-бы мне предстояло чем-либо пострадать - то и тогда я оградил-бы от могущих быть неприятностей этого глубоко уважаемагш и любимаго старика-полковника,нашего Мафусаила-Кавказца.
Успокоив его - приказал никому даже и в,ехать в его двор,что бы не вызвать подозрений "завтрашних гостей".
Это,конечно,не спасло старика.Писали потом - "Павел Григорьевич вскорости был арестован и увезен куда-то на север"...

— • —

Завтра 27 февраля 1920 года,2-й Кубанский конный корпус оставит железно-дорожный узел станции Кавказской Владикавказской железной дороги и отойдет на запад,в станицу Казанскую.Массивный каменный жел-дорожный мост через Кубань,построенный в годы Русско-Японской войны,не будет взорван. Не будет взорван и старый жел-дор.чугунный мост красного цвета,лежащий рядом,оставленный для подвод,по которому конница может проходить в колоне "по-шести".И с этого дня прекратится всякая связь с 4-м Кубанским конным корпусом,действовавшим по линии Армавир-Невинномысская,прекратится всякая связь с Терским Войскам и частями действовавшими в Терско-Дагестанском Крае.
Эти мосты находятся верстах в 10-ти южнее хутора Романовскаго,почти у самаго раз,езда Гирей,что недалеко от Гулькекичи и верстах в 3-х к юго-западу от станицы Кавказской.

/ продолжение следует /

Написано в мае месяце 1941 года,в г.Сайгон,Индо-Китай,бывшей Французской колонии и сокращенно издано в декабре 1962года,в Нью-Йорке.

Полковник Едисеев.